

© О. В. КАРБАСОВА, 2019

Самарский университет государственного управления

«Международный институт рынка»

(Университет «МИР»), Россия

E-mail: kov-81@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА В ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙНАХ

Настоящая статья посвящена социально-психологическим аспектам восприятия философско-религиозного дискурса в международной политике. Раскрыты содержательные и формальные стороны «религиозности» политического текста. Показаны механизмы воздействия на аудиторию религиозной составляющей текста. Сделан вывод об использовании данной составляющей в качестве инструмента внедрения в сознание аудитории «черно-белой матрицы» восприятия политических событий. Описаны опасности реализации данной технологии: переход политики на уровень «священной войны», изживание традиции «идеологической борьбы», замена последней «правом сильного».

Ключевые слова: религиозно-философский дискурс, международная политика, «черно-белая матрица» восприятия политических событий.

Одной из актуальных проблем является комплексное изучение воздействия средств массовой информации как социального института на личность и общество. Совокупное влияние СМИ отражается на «технологическом и социальном прогрессе государства, месте в мировой экономике и экономической конкурентоспособности страны, эффективной реализации роли в международном распределении труда и развитии демократических институтов» [3, с. 57].

Одновременно с этим, СМИ — главный инструмент информационных войн. Помимо позитивного эффекта, СМИ все сильнее оказывают манипулятивное воздействие на сознание аудитории, заменяя идеологический (или хотя бы логический) критерий оценки событий на критерий лояльности или нелояльности государств курсу политического лидера. Данное воздействие является прямым отражением политики двойных стандартов. В существующей системе международных отношений манипулятивная деятельность СМИ необходима для оправдания «избирательного» применения демократических норм и принципов.

В условиях информационных войн основная тактика манипулирования общественным сознанием имеет две составляющие:

1) создание «черно-белой» матрицы восприятия события, процесса, явления или политической фигуры (когда событие характеризуется в рамках оппозиций «добро-зло», «союзник-враг»);

2) моральное обоснование применения насилия по отношению к «враждебному» элементу.

Принято считать, что в демократическом обществе СМИ, наряду с другими институтами, служат в качестве «границы применения насилия», поскольку распространяют в массовом сознании «ценности свободы и правовой защищенности личности» [11, с. 96]. Однако данная функция СМИ имеет и оборотную сторону, т.к. средства массовой информации могут выступать как в качестве ограничителя насилия со стороны власти, так и в качестве инструмента морального обоснования насилия.

В этой своей деятельности СМИ используют множество приемов и технологий. Наиболее сильной технологией является использование религиозной лексики в политическом дискурсе. Сила воздействия религиозного дискурса в рамках публичного дискурса объясняется яркой образностью, «признанием божественной роли лидера..., ритуализацией общения» [5, с. 283].

Цель данной работы — изучить социальные функции употребления религиозной лексики в политическом дискурсе и провести анализ выявленных противоречий в подходах к определению ее роли.

Объектом исследования выступают механизмы воздействия на аудиторию религиозной составляющей текста. *Предмет исследования* — социально-психологические аспекты восприятия религиозного дискурса в международной политике.

Исследователи традиционно отмечают консолидирующую роль религиозной составляющей. Религиозные номинации «выступают как необходимый способ нацелить аудиторию, адресатов на единение» [10, с. 37]. Однако в условиях информационной войны это единение выступает как объединение против общей угрозы или врага и носит далеко не пацифистский характер.

То же самое можно сказать о функции психологической защищенности, которая приписывается религии. «Психологическая защищенность — устойчивое эмоциональное положительное состояние, основанное на осознании личностью стабильной возможности удовлетворения своих базовых потребностей; обеспечивается чувством принадлежности к устойчивой социальной группе, личностными

возможностями, реалистичным уровнем притязаний» [4, с. 368]. Однако в условиях информационных войн нельзя говорить о формировании «устойчивого эмоционального положительного состояния». Религиозный дискурс в рамках информационных войн становится мощным средством создания и поддержания устойчивого негативного эмоционального состояния, связанного с переживанием условий противостояния, конфликта, ожидания войны. Он позволяет провести четкую границу между противоборствующими сторонами, маркируя их интенции как справедливые или несправедливые, праведные и неправедные.

По сути, в условиях отсутствия классической пропаганды, характерной для идеологического противостояния эпохи холодной войны, религиозный аспект политики во многом берет на себя пропагандистские функции. То есть если раньше работала связка политика — идеология — пропаганда, то теперь ей на смену постепенно приходит союз политики и религии.

Идеологический элемент потерял свое значение, поскольку исчезло идеологическое противостояние с Западом. В условиях идеологического «обнищания» пропаганда обращается к религии. Происходит замена идеологического врага на «бесов», все чаще говорится о технологии «демонизации» образа политических лидеров, идеологическая борьба заменяется на борьбу добра и зла.

Можно говорить о том, что религиозный элемент играет в контексте информационных войн роль активатора или мобилизующей составляющей по аналогии с пропагандой. Консолидирующая функция также присутствует, но с поправкой на консолидацию против общего врага.

Несмотря на проникновение религиозной составляющей в российскую политику, языковая ее часть остается «светской». Для сравнения, в литературном дискурсе религиозные мотивы применительно к описанию политических процессов появляются гораздо раньше. Наиболее яркий пример — роман «Бесы» Ф. М. Достоевского, где он характеризует предреволюционные тенденции в России как «бесовщину».

Безусловным лидером по употреблению религиозной лексики в политике являются США. Религиозность давно является отличительной чертой американского политического дискурса. Данная особенность является отражением англо-саксонской традиции поддержания взаимосвязи между религией и политикой в отличие от французской (можно сказать шире — европейской) антиклерикальной традиции, берущей свое начало в революции 1789 года [18, с. 160].

Религиозность американской политики выражается в широком использовании в письменных и устных текстах библейских цитат, метафор и аллюзий. Она является результатом действия экстралингвистических факторов, среди которых на первом месте стоит «желание формирования единой позиции массы по основным вопросам и ее интегрирование в общественную аудиторию СМИ» [14, с. 8].

Религиозность выражается не только на уровне содержания, но и на формальном уровне. Так, например, политики высокого ранга стремятся придать своим выступлениям форму проповеди, которая нередко заканчивается традиционным благословением. Показательным в этом смысле является обращение к нации президента Джорджа Буша младшего, сделанное после взрыва башен-близнецов 11 сентября 2001 года [16]. Названные особенности придают некоторым американским политическим высказываниям характер социально-ритуальных высказываний, направленных на «подтверждение идентичности социума» [1, с. 105].

Помимо эмоционального воздействия содержательная и формальная религиозность политического дискурса выполняет пропагандистскую функцию, в основе которой — морально-этическое разграничение политической сферы на область добра и зла. На практике такое разграничение выражается в разделении на «своих» и «чужих». В грубой, но афористичной форме такое разделение было «сформулировано» президентом США Дж. Кеннеди-старшим в его известном высказывании по поводу диктатора Анастасио Гарсия Сомоса [8, с. 27].

Религиозность нивелирует беспринципность политики. Она предполагает апелляцию к высшей справедливости. Это попытка возвысить политику, перевести ее на философский уровень, представив ее как поле борьбы двух морально-этических категорий — добра и зла. В то же время это попытка вывести политику из правового поля, поставив ее над человеком и над правосудием. Последнее содержит в себе потенциальную угрозу создания ситуации «развязывания рук» в области политики.

Обращение американского президента к нации после событий 11 сентября 2001 года является показательным примером, иллюстрирующим применение такого подхода.

Авторами данного обращения считаются спичрайтер Джорджа Буша Майкл Герсон (Michael Gerson) и Карен Хьюз (Karen Hughes), советник президента по коммуникациям и спичрайтингу [17].

Данное выступление стало определяющим для международных отношений на несколько лет вперед. Это произошло по не-

скольким причинам.

Во-первых, в данном обращении в качестве приоритета была обозначена борьба с терроризмом. При этом, несмотря на то что президент США формально выступал для внутренней аудитории, данное политическое заявление получило «экстерриториальный» характер, то есть подразумевало, что данного решения будут придерживаться и союзники США. В обратном случае США берет на себя задачу по борьбе с терроризмом невзирая на границы и принцип государственного суверенитета: «Нашим приоритетом является помощь тем, кто пострадал, и принятие мер предосторожности с целью защитить наших граждан дома и по всему миру от дальнейших терактов» [17]. Данная речь носила ультимативный характер: если США увидят в какой-либо стране угрозу терроризма, то они берут на себя функции по ликвидации этой угрозы. К разряду таких же «ультиматумов» относится и обещание «свершить правосудие» над виновниками катастрофы. При этом президент США заявил, что «не будет делать различий между теми, кто совершил эти теракты, и теми, кто их укрывает» [17]. Таким образом, на роль «укрывателя террористов» фактически мог быть выбран любой политический лидер или государство.

Во-вторых, данное обращение стало проверкой на лояльность, в результате которой произошло разделение международных акторов на тех, кто поддерживает политику США, и тех, кто выказывает претензии на самостоятельность: «Я благодарю тех руководителей государств, которые позвонили высказать свои соболезнования и предложить свою помощь. Америка, а также наши друзья и союзники солидарны с теми, кто выступает за мир и безопасность во всем мире, и мы вместе победим в войне против терроризма» [17]. В данном высказывании прослеживается четкое противопоставление тех, кто выступает за мир (союзников США), и тех, кто поддерживает терроризм (врагов США).

В СМИ усиленно повторялись обозначенные Бушем (или его спичрайтерами Майклом Герсоном и Карен Хьюз, которым приписывается авторство обращения) оппозиции: атаковать — защищать, добро — зло, друзья — враги, мир и безопасность — хаос, свобода — тирания и др.

Таким образом, создавался четкий «фрейм» (рамочная конструкция), который предлагал аудитории ряд альтернатив: выбор между хаосом и порядком, дружбой или враждой и т.п. Однако на самом деле альтернативность данной речи является лишь формальной, поскольку в ситуации выбора между добром и злом маловероятно, что

появятся желающие открыто выступить на стороне условного «зла».

Результатом данного обращения к нации было фактическое разделение стран-участниц международных отношений на два «лагеря»: лагерь союзников и лагерь противников США (друзей и врагов).

Создание образа врага является базовой пропагандистской технологией, традиционно используемой в современном американском политическом спичрайтинге. В рассматриваемом обращении особенностью образа врага является его абстрактный характер. Это не конкретный враг, как это было в годы холодной войны, — враг, которого можно было идентифицировать, определить его политические цели, «локализовать» географически. Терроризм идеально подошел на роль такого абстрактного «мирового зла», которое стало находкой для Белого дома, поскольку содержало в себе одно неоспоримое преимущество: вездесущность*, что означало потенциальное повсеместное присутствие врагов. В роли врага теперь мог выступить любой нелояльный лидер.

«Вездесущность» терроризма выделяется исследователями как одна из главных метафор, используемых при создании образа врага в американских СМИ. При этом терроризм ассоциируется с природной стихией, глобальной катастрофой, от которой невозможно скрыться [6, с. 149].

Однако массовая аудитория не привыкла рассуждать об абстрактных материях. Ей необходим реальный образ, который подошел бы на роль «воплощенного зла». Именно поэтому в американском политическом спичрайтинге существует выражение «ось зла» (*axis of evil*), которое позволило конкретизировать образ врага.

Термин «ось зла» также был использован президентом США Дж. Бушем спустя немногим больше года после обращения к нации — 29 января 2002 г. в ежегодном обращении к Конгрессу. Данный термин применялся по отношению к странам, спонсирующим терроризм или разрабатывающим оружие массового поражения. В своей речи в качестве таких государств Дж. Буш упомянул Ирак, Иран и КНДР.

Однако интересен не столько сам список стран-изгоев, сколько происхождение термина. Известно, что во время Второй мировой войны термином «ось» в англоязычной среде обозначались

* Данное определение («вездесущный») уместно, поскольку речь идет об американском политическом дискурсе, отличительной чертой которого является религиозность, нетипичная для европейских стран.

страны фашистского блока. В этой логике вполне понятным становится приравнивание «неудобных» лидеров к такому историческому персонажу, как Адольф Гитлер.

Сравнение с образом Гитлера было частью кампаний по информационному давлению на Саддама Хусейна, Муаммара Каддафи, Махмуда Ахмадиннежада, Башара Асада. Последним в цепочке таких сравнений стала параллель между действиями В. Путина по вопросу Крыма и аннексией Германией Судетской области Чехословакии по результатам Мюнхенского договора 1938 года.

Описанный нами прием является частью общей технологии по формированию образа врага в его неабстрактном, «воплощенном» варианте, понятном для массовой аудитории. Отличительной чертой данной технологии является ее простота и «доступность». Она достигается за счет эксплуатации негативных эмоций, возникающих при использовании образа Адольфа Гитлера и всех связанных с ним исторических ассоциаций. Следовательно, можно говорить о том, что с помощью сравнения с исторической персоналией создается матрица восприятия сторон конфликта международной аудиторией. В этой матрице сторонам-участникам конфликта заранее отводятся строго определенные роли без возможности их «модифицировать» или «отказаться» от них.

Данная матрица восприятия соответствует наиболее «простым» когнитивным стилям — «индивидуально-своеобразным способам переработки информации о своем окружении в виде индивидуальных различий в восприятии, анализе, структурировании, категоризации, оценивании происходящего» [15, с. 38]. Она не требует от аудитории «подчеркивания специфических деталей» материала, а, наоборот, предполагает «упрощение, потерю деталей, выпадение тех или иных фрагментов».

Наиболее важным с точки зрения особенностей когнитивного процесса является отсутствие рефлексивности в восприятии действительности в случае «принятия» аудиторией предлагаемой матрицы [15, с. 38]. Это связано с манипулятивной функцией воздействия медиатекстов — «функцией оказания воздействия на адресата в определенном, нужном для адресанта направлении, причем таким образом, чтобы реципиент об этом воздействии не догадывался и пребывал в полной уверенности, что сложившееся у него в результате знакомства с медиатекстом мнение всецело принадлежит ему самому» [2, с. 131]. В основе манипуляции сознанием аудитории лежит создание ментальных конструкций, «которые представляются выходящими за рамки законности или здравого смысла, оказывают-

ся популярными на уровне обывательского общения, позволяя, среди прочего, канализировать существующие и новые стереотипы мышления» [7, с. 133].

В современных социологических исследованиях существует эвфемизм для обозначения манипулятивной функции средств массовой информации: СМИ принято относить к инструментам «политического менеджмента», поскольку они являются неотъемлемой частью «управления массовыми политическими кампаниями и политическими процессами влияния гражданского общества на государство» [13, с. 6-7]. В ходе таких «массовых политических кампаний» создается матрица интерпретации политических событий, которая не предполагает никаких альтернативных способов восприятия. На место субъекта в этой информационной «матрице» не могут повлиять никакие его действия, направленные на изменение его роли.

Данная особенность интерпретации политических событий противоречит самой сути понятия «интерпретация», которое предполагает наличие альтернативной точки зрения. Так, согласно утверждению известного теоретика в области интерпретации текста А. Р. Лурья, «центральной для процесса понимания является поиск смысла, приводящий к выбору из ряда нескольких альтернатив» [9, с. 218].

Одним из свойств интерпретации, согласно исследованиям в области герменевтики, является «самореализация» личности в процессе интерпретации. Другими словами интерпретация является «проявлением такой способности сознания, которая самым непосредственным образом обеспечивает ее «Я», ее «самость» и именно в момент их активного проявления, самовыражения личности» [12, с. 33]. Это свойство самовыражения в процессе интерпретации (в нашем случае интерпретации политических событий, возникающих в информационном поле и предлагаемых аудитории в виде письменных и аудиотекстов, видеоизображений, картинок и т.п.) обусловлено природным стремлением личности к самореализации.

Проблема заключается в том, что личность в случае матричного восприятия «не имеет определенности ни своего «Я», ни способа его реализации, т.е. способа своей активности» [12, с. 32]. В этом состоит главное противоречие, возникающее в процессе интерпретации — желание «самореализоваться» и незнание или невладение способами самореализации.

Аудитория при этом остается пассивным получателем информации, поскольку в рамках общественно-политической «дискуссии» ей не предлагается альтернативного способа толкования политической ситуации. Самостоятельно сформулировать альтернативную

точку зрения, не представленную в СМИ и широко не растиражированную, могут лишь единицы, мнение которых не влияет на соотношение сил и исход событий.

Отнесение конкретных стран и их лидеров к «лагерю добра» или «лагерю зла» звучит необычно для политического дискурса, который предполагает определенную степень если не научности, то, по крайней мере, логичности. Налицо элемент эмоциональности и иррациональности. В качестве сравнения можно привести ушедшее в прошлое разделение на страны социалистического и капиталистического лагеря, где в основе разделения лежал идеологический критерий. В случае современного «американского» подхода критерием такого разделения служит лояльность или нелояльность государств политическому курсу США.

Данный подход свидетельствует о деградации международных отношений, «сползании» от идеологической борьбы к утверждению «права силы». Результатом и проявлением данного изменения является так называемая «политика двойных стандартов», которая выражается в применении демократических норм и принципов только к «лояльным» государствам.

Нельзя утверждать, что все локальные конфликты последних лет стали результатом применения описанной матрицы. Скорее, использование данной матрицы является частью некой общей стратегии по переформатированию политического пространства, включающей технологию создания «образа врага».

Однако это не умаляет значения формирования общественного мнения по политическим вопросам и событиям на основе «матричного» подхода. Предлагаемая аудитории суррогатная модель восприятия имеет серьезное (зачастую решающее) значение для исхода политических событий и конфликтов.

Литература

1. Водоватова Т. Е., Кириллов А. Г. Социально обусловленный дискурс в современной межкультурной коммуникации (на материале социально-ритуальных текстов на английском языке) // Вестник Международного института рынка. 2016. № 4. С. 104-112.

2. Водоватова Т. Е., Немцева К. Д. Оценочная составляющая англоязычных медиатекстов // Вестник Международного института рынка. 2018. № 1. С. 130-134.

3. Воронцова О. И. Влияние телевидения на современное общество // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2009. № 1 (18). С. 57-63.

4. Еникеев М. И., Кочетков О. Л. Общая, социальная и юридическая

психология. Краткий энциклопедический словарь. М.: Юридическая литература, 1997. 448 с.

5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.

6. Кириллов А. Г., Харитонов А. В. Метафорическое моделирование при создании образа главного врага в американском дискурсе СМИ // Вестник Международного института рынка. 2017. № 2. С. 147-152.

7. Кириллов А. Г. Оценочная функция вербализации концепта «чужой» в контексте российско-украинского конфликта (на материале микроблогов) // Вестник Международного института рынка. 2015. № 1. С. 132-137.

8. Левяш И. Я. Глобальный мир и геополитика: культурно-цивилизационное измерение: в 2 кн. Минск: Навука, 2012. Кн. 1. 485 с.

9. Лурия А. Р. Язык и сознание / под ред. Е. Д. Хомской. М: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.

10. Патюкова Р. В. Специфика религиозной лексики в образных средствах публичного дискурса // Вестник Вятского государственного университета. 2009. № 4. С. 33-38.

11. Пушкарева Г. В. Политический менеджмент в системе управленческих отношений современного общества // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2005. № 3. С. 92-110.

12. Славская А. Н. Личность как субъект интерпретации. Дубна, 2002. 240 с.

13. Сморгун Л. В. Теоретические вопросы политического менеджмента // Политический менеджмент: электоральный процесс и технологии. СПб., 1999.

14. Строева Ю. Ю. Интертекстуальность в медиадискурсе и способы ее перевода на русский язык // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 6 а.

15. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-ое изд. СПб., 2004. 384 с.

16. Bush George W. September 11 address to the nation. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/gwbush911addresstothetation.htm>.

17. Karen P. Hughes. Counselor to President George W. Bush for communications and speechwriting. URL: http://www.sourcewatch.org/index.php/Karen_P._Hughes.

18. Усалко О. В. Религия и политика: к проблеме взаимоотношений // Вестник КалмГУ. 2017. № 3 (35). С. 155-163.

*Статья поступила в редакцию 31.01.19 г.
Рекомендуется к опубликованию членом Экспертного совета
канд. социол. наук, доцентом Т. П. Карповой*